

**К 25-летию Мемориального Дома-музея
академика А.А.Ухтомского в Рыбинске**

УДК 17.03

Беларев А.Н.

Лицо другого у Э.Левинаса и А.А.Ухтомского

Аннотация. В статье сопоставляются этические концепции русского физиолога и философа Алексея Алексеевича Ухтомского и французского философа Эмманюэля Левинаса. Этих мыслителей объединяет использование слова «лицо» в качестве понятия. Образ «лица» рассматривается в статье как ключевой для понимания авторами ситуации диалога и социального взаимодействия. Встреча с «другим лицом» или с «лицом другого» рассматривается Ухтомским и Левинасом как центральное событие в формировании личности. «Лицо» в своем языковом и «терминологическом» смысле будет рассмотрено как зона кристаллизации культурных сходств и различий.

Ключевые слова: Э. Левинас, А.А. Ухтомский, лицо, другой, этика, собеседник.

«С точки зрения абстракции, всякий конкретный опыт есть частный случай. И остается невыясненным, почему же существует именно этот частный случай, а не другие, отвлеченно одинаково возможные.

Для мира алгебры геометрический мир есть случай. Для геометра физический мир – случай. Также и для физико-химика мир жизни есть случай.

Но в особенности каждый человек, индивидуально существующий перед нами, есть новый, вполне исключительный случай! Никем он не может быть заменен, он совершенно единственное «лицо». Тут приходится внести в опыт новую категорию мысли – уже не предмета, не вещи, а лица.

Наиболее конкретный опыт, побуждающий до крайности индивидуализировать отношение к себе, это опыт человеческого сожития, опыт «лица».

Тут и встает впервые во всем своем своеобразии проблема Собеседника и Друга. Сумей построить и заслужить себе собеседника, какого ты хотел бы! Это недостижимо никакими абстракциями!»

Ухтомский А.А. Из записных книжек. 1920-1929 [6. с. 145-146].

Сравнение Ухтомского и Левинаса напрашивается само собой. Оба используют два понятия: «Лицо», «Другой» или их сочетание «Лицо Другого». Это не случайное совпадение. И Э.Левинас (1906-1995), и А.А.Ухтомский (1875-1942) считают этику первой философией, а этическое отношение «лицом к лицу» (1), ситуацию «Собеседования» (2) помещают в центр собственных размышлений о природе человека. Речь здесь идет о таком сходстве, которое Бахтин назвал в своих заметках «истинной конвергенцией (когда два направления мысли коснулись какой-либо стороны одной и той же правды)» [1. с. 317]. Можно назвать, кроме того, несколько факторов, лежащих в основе сходства их идей. Это, прежде всего, серьезное влияние русской классической литературы (в первую очередь, Достоевского и Толстого) и обращение к опыту христианства (в случае Ухтомского) и иудаизма (в случае Левинаса).

Левинас, разъясняя свою этическую теорию, прибегает к цитированию Достоевского и Толстого в ключевых, узловых точках своих размышлений. Биограф Левинаса, Соломон Малка, сообщает, что философ часто перечитывал произведения Достоевского [11. с. 26] (3). Хорошее знание Левинасом русской литературы объясняется тем, что он родился и вырос в Ковно (современный Каунас), а Литва в то время входила в состав Российской Империи. Это делало ее частью общего культурного пространства, в котором авторитет русской литературы был огромен. Так, смерть Толстого воспринималась, как вспоминал философ, почти как семейная трагедия. Однако эта принадлежность к общему культурному пространству в случае семьи Левиных (фамилия была изменена уже позже – при выдаче новых документов Литовской республики) не исключала религиозную и национальную специфику. Философ родился в еврейской семье, в которой придерживались традиционного уклада, религиозные обряды и правила иудаизма были частью повседневной жизни, но в доме Левиных говорили по-русски. И преподавание в еврейской школе, где учился Левинас, также велось на русском языке. Так что русский был его родным языком. Мать привила ему любовь к русской классике: Пушкину, Тургеневу, Гоголю, Лермонтову. Важно отметить, что с шести лет мальчику наняли преподавателя для изучения иврита и освоения текста Пятикнижия (4), – то есть иврит также очень рано стал частью его языкового сознания. В университетские годы значимыми станут также немецкий и французский языки; на последнем он будет писать свои философские тексты. Эти биографические факты помогут в дальнейшем понять «многослойность» философской терминологии Левинаса.

Ухтомский также постоянно использует опыт русской классики, фактически понимая ее как «антропологическую лабораторию». Так, именно к литературным примерам он прибегает для объяснения принципа доминанты или для иллюстрации формирования «интегрального образа собеседника» (5).

Вторая сближающая особенность – это осмысление библейского этического монотеизма как фундамента европейской культуры. Оба философа считали, что путь к Богу (как к абсолютно Другому, как к первому и последнему Собеседнику (6), лежит через этическое отношение с другим человеком и собеседником (7).

Важно отметить, что осознание ими важности предания, религиозной практики и традиционной герменевтики не исключало авангардизма в науке (Ухтомский) и философии (Левинас). Они постоянно осуществляли работу своеобразного перевода языка предания на язык современного знания. Религиозные тексты начинали говорить на языке философии и науки, а научные идеи включались в широкий мировоззренческий контекст. Это совмещение традиционности с авангардизмом – одна из причин сложности рецепции их наследия. Они могут подвергаться критике с обеих сторон либо как недостаточно ортодоксальные, либо как чрезмерно апологетические авторы.

Еще одной точкой сближения обоих мыслителей является особый профессиональный и духовный опыт преподавателей-наставников. Примечательно, что и тот и другой прожили большую часть жизни в служебной квартире. Жизнь А.А.Ухтомского с 1899 года была связана с Петербургским университетом. После окончания в 1906 году естественного отделения физико-математического факультета он начинает работать лаборантом университетского физиологического кабинета. С 1911 по 1941 год Ухтомский читает лекционные курсы по физиологии и ведет практические занятия. Усилия Ухтомского по созданию при университете Физиологического научно-исследовательского института и развитию университетской физиологической школы имели под собой не только академические основания. Эта деятельность была связана с постоянным стремлением построить модель идеального общения, общежития, преемственного сотрудничества, создать цепочку традиции учитель – ученик. Речь шла о процессе передачи знания как попытке «воспитать и поставить на ноги мысль» [6. с. 204]. Его общение со студентами и воздействие на них не ограничивалось академическими вопросами. Достаточно сказать, что значительная часть его идей о Собеседнике и диалоге была сформулирована им в переписке с бывшими студентами (8). В академической и общественной деятельности Ухтомский, несомненно, ориентировался на образ идеальной христианской общины. Очевидно, для него большое значение имел социальный опыт старообрядчества. Он убеждал в том, что социальные связи могут поддерживаться без участия государственной машины, а коллектив может сохранять свою целостность без насилия – его скрепляют общие цели, идеалы и авторитет традиции, воплощенный в личности учителя. Ухтомский как бы нащупывал новые формы социального взаимодействия, в основе которых лежал бы демократизм, автономия, самоуправление, верность традиции и коллективный духовный поиск. Эти искания восходят к трем источникам: к социальным экспериментам послереволюционного времени, к традиционным формам университетского самоуправления и представлению об идеальном сообществе ученых и, наконец, к идеалу церковной организации как сообщества верующих.

Левинас в 1946 году стал директором Института Ecole Normale Israelite Orientale в Париже. В нем выходцы из еврейских общин Ближнего Востока и Северной Африки могли получить профессию учителя, чтобы в дальнейшем преподавать в одной из школ организации «Всемирный Еврейский Союз» (Alliance Israelite Universelle). Там же он читал курс философии. Его обязанности предполагали ежедневное общение со студентами – и не только в рамках академических тем. В

обязанности директора, естественно, входило решение массы повседневных вопросов жизни института.

Лицо у Левинаса и Ухтомского становится сквозным образом, лейтмотивом. В большой степени слово «лицо», не порывая со своим буквальным значением, приобретает у них смысл категории. Необходимо сразу оговориться, что Левинас употребляет французское слово *le visage*, которое, как и немецкое *das Gesicht*, связано с группой значений видимости, зримости и, с другой стороны, с семантикой взгляда и взора. Как отмечает американская исследовательница Сьюзен Хэнделман, образ лица у Левинаса восходит к анализу символики лица в финале книги Франца Розенцвайга «Звезда избавления» (1919) [9. с. 209]. Там он использует для обозначения лица слово *das Antlitz*, которое также этимологически связано с семантикой противостоящего, отвечающего взгляда. Розенцвайг говорит там о лице истины, божественном и человеческом лице [13. с. 465, с. 470-471].

При анализе ситуации встречи с собеседником и ближним Левинас использует оборот *le face-a-face avec atrui* (лицом к лицу с другим). Слово *face* ближе к русскому значению лица как лицевой, обращенной к субъекту стороны предметов. Родственное ему слово *фасад* (*la facade*) Левинас использует для обозначения сияющей, но холодной поверхности предметов, противоположной живому лицу (*visage*) [3. с. 199]. Несомненно, Левинас учитывает и древнееврейское слово *panim* – «лицо». Это слово восходит к корню *panah* со значением «обращать(ся)» или «поворачивать(ся)» [10. с. 211]. Важно то, что слово *panim* по сути представляет собой множественное число. То есть лицо (фактически лица) двунаправлено. Оно соединяет внутреннее и внешнее, восприятие и экспрессию. На совмещении в структуре человеческого лица принимающих органов (нос и уши) и излучающих органов (глаза и рот) останавливается в указанном выше месте и Розенцвайг.

Все же можно предположить, что Эмманюэль Левинас, работая над своей главной книгой «Тотальность и бесконечное» (1963), учитывал внутреннюю форму и смысловые оттенки русского слова «лицо». У него, возможно, имел место сложный процесс взаимодействия и взаимоналожения языков (русского и французского) при продумывании и написании работ. Некоторые смыслы терялись, некоторые приобретались. Было бы, несомненно, интересно установить или предположить наличие некоего русского пратекста или подтекста в сочинениях французского философа (9).

В русском слове «лицо», как представляется, актуализируется особая группа оттенков значения, связанная с персональностью. Лицо связывается с отличием, различием, личностью. Именно эти оттенки смысла, наряду с буквальным значением «человеческое лицо», развивает Ухтомский. Он не оставляет, не забывает буквальный смысл, но делает акцент на смысле лица как индивидуального облика, характера, неповторимой личности. Лицо для Ухтомского означает нечто незаменимое, неразстворимое, нечто динамичное в противопоставлении вещи, нечто индивидуализированное в противовес толпе: «Обыкновенно люди мало понимают значение и неповторимость лица, и им кажется, что все легко заменимо. Это оттого, что они обыкновенно

знают вокруг себя лишь вещи, в лучшем случае – процессы, но лица мало кому доступны. Сейчас окружающая нас «культура» исключительно знает вещи и процессы, но совершенно утратила понимание лиц» (письмо к Ф.Г.Гинзбург от 6 января 1928года) [5. с. 384].

Лицо представляет собой открытую структуру, «нерешенный интеграл», как он говорит, то есть то, о чем невозможно вынести окончательное суждение. Кроме того, под лицом Ухтомский понимает некоторую достигнутую моральную структурированность индивидуальности, «нравственную собранность». «Но лицо, в отличие от индивидуальности, не дано, оно достигается, и достигается лишь в меру признания себе подобных, своих Собеседников» [5. с. 246]. Ухтомский, как и Левинас, стремится решить проблему субъективности смещением центра тяжести. От субъекта, «прикованного к самому себе» (Левинас), запертого, изолированного, солипсического, смысловой центр переносится или в зону между говорящими, в пространство встречи с другим (пространство обязательств и ответственности), или центром становится сам «другой». Левинас так характеризует этот процесс: «Ответственность переносит центр тяжести отдельного бытия вне его. (Elle place le centre de gravitation d'un etre en dehors de cet etre [11. с. 200]). Преодоление феноменального, или внутреннего существования, состоит не в том, чтобы получить признание со стороны другого, а в том, чтобы предложить ему собственное бытие. Быть в себе – значит выражать себя: это уже значит служить другому» [3. с. 193].

Лицо в отличие от вещи требует особого отношения. Лица – это не объекты познания, насильственных манипуляций, то есть действий, не предполагающих ответа. В отношении с лицом, по Левинасу, проявляется ограниченность обычных познавательных практик, оно ускользает от тематизации, кладет предел властным притязаниям субъекта. «Присутствуя, лицо отказывается быть содержанием. В этом смысле оно не может быть понято, то есть охвачено» [3. с. 199]. «Лицо не поддается обладанию, моей власти» [3. с. 202]; лицо «говорит со мной» [3. с. 202].

Для Ухтомского и Левинаса другой – это прежде всего собеседник, тот, кто способен ответить. Социальная ситуация «лицом к лицу» связана с языком, смыслом и справедливостью. Другой – это тот, перед кем «Я» несет ответственность. Ситуация «лицом к лицу» связана тем самым с проблемой ответственности и суда. В этом один из ключей к пониманию идеи Ухтомского о заслуженном собеседнике. Единственная истинная инстанция, способная дать субъекту возможность удостоверения и самопроверки, – это другое лицо. Истинный собеседник становится наградой и даром, подтверждая состоятельность субъекта.

Собственным путем Ухтомский подходит к тому, что Левинас будет называть асимметричностью отношений Я и Другого. Диалог с лицом другого – это не только встреча равных. Хотя и равенство здесь немаловажно, как видно из любимой Ухтомским легенды о встрече Чингисхана с Баязидом. Победенный Баязид оказался достойным беседы с победителем Чингисханом, он неожиданно выделился из толпы как личность и равный: «В первый раз за всю жизнь Чингиз отступил от своего закона и отпустил побежденного! Это оттого, что он прослезился! А прослезился оттого, что в первый раз в лице Баязида нашел наконец человека, равное себе лицо, которого не видел

ни в ком до тех пор, хоть и владел несметными человеческими толпами». [5. с. 317-319] Но Ухтомский говорит и об идеализации другого лица. В одном из писем к И.И.Каплан Ухтомский называет это «творческой идеализацией». Она заключается, по его мнению, в том, что в одном случае «человек домогается равенства тем, что стаскивает другого с его высоты до своего уровня, принижает его до себя. В другом случае он домогается того же равенства, но тем, что усиливается подняться со своего низа до того высшего, в котором видит другого» [7. с. 210]. Другой перестает быть изначально равным мне.

Левинас спорил с концепцией диалога Мартина Бубера как симметричного отношения равных Я и Ты. Другой, по Левинасу, выше, от его лица исходит приказ и заповедь «Не убий!». Субъект чувствует себя заложником другого. Именно поэтому Левинас считает проблематичной и недостаточной ситуацию «бок о бок» с другим, когда происходит движение с другим к общей цели. Он критикует и «бытие вместе» (Miteinandersein) Хайдеггера, в котором с другим располагаются не «лицом к лицу», а «вокруг истины» [2. с. 60]. «Это опасное нахождение лицом к лицу в связи без посредника, опосредования. В этом случае интерсубъективное – не безразличная сама по себе взаимосвязь двух взаимозаменяемых членов. В качестве другого другой – не только alter ego. Он – то, что не есть Я: он слабый, если Я – сильный; он бедный, он «вдова и сирота». Своя рубашка ближе к телу – нет более лицемерной выдумки. Или он – посторонний, враг, владыка. Главное, что он обладает этими качествами благодаря самой своей инаковости. Интерсубъективное пространство изначально асимметрично» [2. с. 60]. Сосредоточенность на лице другого, с точки зрения Левинаса и Ухтомского, открывает выход к решению проблемы самоизоляции субъекта.

Оба остро ощущали солипсическую замкнутость субъекта. Ухтомский говорил о Двойнике, а Левинас писал о прикованности субъекта к себе, к своему существованию, «невозможности избавиться от себя самого» [2. с. 55]. Левинас описывал ситуацию встречи с другим, которая открывает для субъекта время, разрывает тотальность и дает выход к бесконечному. Ухтомский описывал этот процесс как переход от Двойника к Заслуженному Собеседнику. Для

Левинаса анализ лица позволял выйти за пределы феноменологии, так как лицо не было «стандартным» феноменом. В анализе отношения с другим Левинас отталкивался от анализа образа другого как alter ego у Гуссерля. Понятие ответственности, связанное с лицом другого, во многом приходит на смену идее интенциональности. Упомянутая уже выше Хэндельман в своей работе «Осколки избавления» дает следующую характеристику функции лица у Левинаса: «У Левинаса «лицо» является таким гештальтом, который есть критика феноменологии, нефеномен, разрыв целостности личности, единства познающего и познанного и предполагаемой адекватности интенционально познающего сознания своим объектам» [10. с. 216].

Образ лица как личностной незаменимости для Ухтомского был, видимо, связан с проблематичностью естественных наук. Он был частью поиска нетеоретического знания, учитывающего индивидуальное, а не только всеобщее, и способного описывать не только мертвые объекты и безличные структуры. Лицо в противоположность им представляло собой

нечто живое, уникальное и открытое, то есть развивающееся. Важна и его способность к ответу: «То, что в динамике и движении, более реально, чем то, что схематизировано вне времени! Химия ближе к реальности, чем геометрия. А реальнее всего лицо – Собеседник! Это так!» [5. с. 297]. Это проблемное поле очерчивается в книге «Картина мира в физике» (1958) Карла Фридриха фон Вайцекера, выдержки из которой приводит в своей заметке «Проблема текста» Михаил Бахтин: «Упрек, который гуманитарная наука адресует методам естествознания, я мог бы сформулировать так: естествознание не знает «Ты». (...) Это личностное понимание – форма нашего опыта, которая применима к нашим ближним, но не к камню, звезде и атому» [1. с. 315]. Бахтин, бывший внимательным слушателем Ухтомского (11), делает эту выписку в начале шестидесятых (именно в то время, когда Левинас издает свою главную книгу «Тотальность и Бесконечное»). В «Проблеме текста» Бахтин размышляет о различии между пониманием и объяснением в науке, между взглядом на человека в гуманитарных и естественных науках. Бахтин неизбежно должен быть упомянут в контексте обсуждения творчества Ухтомского и Левинаса, поскольку он соединяет в себе традиции русской философии, неокантианства и так называемой европейской философии диалога (Розенцвайг, Бубер, Розеншток-Хюсси). Идеи и темы самого Бахтина также очень близки философии Левинаса.

Возвращаясь к словам фон Вайцекера, необходимо упомянуть о том, что сам Ухтомский пытался преодолеть разрыв между «науками о природе» и «науками о духе» в создании целостной антропологической концепции, которая позволила бы соединить достижения физиологии, психологии, социологии, педагогики, философии религии в единое взаимосвязанное целое. Об этом, например, свидетельствует план лекционного пропедевтического курса «Введение в физиологию», сохранившийся в архиве ученого. Курс включает не только обсуждение чисто физиологических проблем, но и раскрывает более высокие уровни взаимодействия организма и среды. Исследователь творчества Ухтомского Л.В.Соколова так характеризует проблемное поле этого курса: «Он касается проблем психофизиологии восприятия, внимания, эмоций, памяти, рассматривает вопросы прогнозирующей деятельности мозга. В центре его внимания – человек во всей сложности начал, определяющих его природу, начиная от биологических предпосылок поведения и психики человека и заканчивая социокультурными детерминантами его жизнедеятельности. И недаром итоговым аккордом курса должна была стать глава о личности, раскрывающая значение нравственных начал в человеке» [4. с. 69]. Эти поиски сближают Ухтомского уже не с Левинасом, а с исканиями родоначальников философской антропологии – Макса Шелера и Хельмута Плеснера.

Ухтомский и Левинас, каждый по своему, осмысливают ситуацию встречи с ближним, контакта с лицом другого, принятия лица другого. Для них ситуация нахождения лицом к лицу с другим не является простым фактом социальной или психической жизни. Не случайно Левинас говорит об опыте другого как о богоявлении, а Ухтомский называет Бога Первым и Последним Собеседником. Встреча с Другим у этих мыслителей по сути является повседневным, «обыденным» аналогом Откровения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Оборот, часто употребляемый и Ухтомским, и Левинасом.
- (2) Слово, часто употребляемое Ухтомским.
- (3) Здесь цитируется немецкий перевод книги. Выходные данные французского издания: Malka S. Emmanuel Levinas. La vie et la trace. Edition Jean-Claud Lattes, Paris, 2002. Биографический очерк и введение в философию Левинаса на русском языке: Ямпольская А.В. Эмманюэль Левинас: философия и биография. – Киев: Дух и Литера, 2011.
- (4) К Левинасу можно отнести слова Ухтомского об оппоненте Вернадского Деборине: «Говорят, что он “образованный еврей”, изучавший то, что подобает знать таковому» (письмо Ф.Г.Гинзбург от 12 июня 1932 г.) [5. с. 405-406]. Речь идет о традиционном еврейском религиозном образовании, основой которого является изучение Писания с комментариями (на древнееврейском) и Талмуда (на арамейском языке).
- (5) Обращение обоих мыслителей к литературе как источнику иллюстраций, моделей связано с российским литературоцентризмом. В условиях недостаточной развитости гуманитарных наук литература в России брала на себя их функции. Она фактически решала задачи истории, социологии, психологии, философии.
- (6) «Первый и Последний наш Собеседник» – выражение Ухтомского.
- (7) «Искание современной нам философии: соотношение “субъект-объекта” разрешается реально в проблему Собеседника и собеседования»; «Ведь нет ничего более конкретного, чем факт собеседования с себе подобным лицом! Если есть конкретный закон, от которого надо отправлять философию, то это закон Собеседника» [5. с. 245].
- (8) Подробную биографию русского физиолога см. в книге: Соколова Л.В. «А.А.Ухтомский и комплексная наука о человеке» [4. с. 21-93].
- (9) Российский исследователь философии Левинаса А.В.Ямпольская отдельно касалась вопроса о языке его текстов: «Даже в сделанных в плену заметках, где встречаются русские фрагменты, это всегда цитаты, никогда не его собственные соображения. Создается ощущение, что для Левинаса русский язык остался языком оставленной позади жизни – как идиш для его родителей. Это косвенно подтверждается тем фактом, что в отличие от Койре или Кожева, публиковавшихся в Логосе, Верстах или Евразии, Левинас никак не участвовал в обширной культурной жизни русского Парижа. В отличие от Кожева, Койре или родившегося уже во Франции Владимира Янкелевича Левинас никогда не ссылается на русскую философию; в частности, я не знаю у него ни одной ссылки на Шпета (если говорить о русской феноменологии)» [9].

(10) Мы приводим русский перевод А.Е.Махова. Бахтин приводит текст по-немецки: «Den Vorwurf der Geisteswissenschaften gegen die naturwissenschaftlichen Methoden möchte ich auf die Formel bringen, dass die Naturwissenschaft das Du nicht kennt. (...) Dieses personale Verstehen ist eine Weise der Erfahrung, die uns dem Mitmenschen gegenüber offensteht; dem Stein, Stern und Atom gegenüber nicht» [14. с. 177-178, цит. по: 2. с. 635].

(11) Речь идет о докладе Ухтомского 1925 года, посвященном проблеме хронотопа в биологии. Ухтомский затрагивал там и вопросы эстетики.

ЛИТЕРАТУРА

[1] *Бахтин М.М.* Проблема текста // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т.5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М., 1997. – 731 с.

[2] *Левинас Э.* От существования к существующему // Эмманюэль Левинас. Избранное. Тотальность и бесконечное. – М., СПб.: Университетская книга, 2000. – 416 с.

[3] *Левинас Э.* Тотальность и бесконечное // Эмманюэль Левинас. Избранное. Тотальность и бесконечное. – М., СПб.: Университетская книга, 2000. – 416 с.

[4] *Соколова Л.В.* А.А.Ухтомский и комплексная наука о человеке. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2010. – 316 с.

[5] *Ухтомский А.А.* Доминанта души: Из гуманитарного наследия. – Рыбинск: Рыбинское подворье, 2000. – 608 с.

[6] *Ухтомский А.А.* Заслуженный собеседник: Этика. Религия. Наука. – Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997. – 576 с.

[7] *Ухтомский А.А.* Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях. – СПб.: Петербургский писатель. 1996. – 528 с.

[8] *Ямпольская А.В.* Эмманюэль Левинас: философия и биография. – Киев: Дух и Литера, 2011. – 376 с.

[9] *Ямпольская А.В.* Бесконечная значимость произошедшего с другим. Интервью. 03.02.12 // Русский журнал. [Электронный ресурс] URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Beskonechnaya-znachimost-proizoshedshego-s-drugim> (дата обращения 07.06.15).

[10] *Handelman, Susan A.* Fragments of redemption: Jewish thought and literary theory in Benjamin, Scholem, and Levinas. Indiana University Press, Bloomington and Indianapolis, 1991. – 418 p.

- [11] *Levinas E.* Totalite et Infini. Essai sur l'exteriorite. Kluwer academic, 2000. – 343 p.
- [12] *Malka S.* Emmanuel Levinas: eine Biographie. C.H. Beck, München, 2004. – 314 S.
- [13] *Rosenzweig F.* Der Stern der Erlösung. Mit einer Einführung von Bernhard Casper. Freiburg im Breisgau, Universitätsbibliothek, 2002. – 485 S.
- [14] *Weizsäcker C.F. v.* Zum Weltbild der Physik. S. Hirzel Verlag, Stuttgart, 1958. – 458 S.

© Беларев А.Н., 2015.

Статья поступила в редакцию 17.08.2015.

Беларев Александр Николаевич,

аспирант, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН (Москва),

e-mail: abelarev@gmail.com

Belarev A.

THE FACE OF THE OTHER IN THE WORK OF A.UHTOMSKY AND E.LEVINAS

Abstract. The aim of this article is to compare the ethical concepts of Russian physiologist and philosopher Alexej Uhtomsky and French philosopher Emmanuel Levinas. Both thinkers use the word “face” as a term. “The face” is described in the paper as a key-image for understanding the sense of dialogue and social cooperation in the work of both thinkers. The meeting with the face of the other is considered by them as a central event in the formation of the personality. The face in its linguistic and “terminological” meaning is viewed in the paper as crystallization-zone of cultural differences and similarities.

Key words: E. Levinas, A. Uhtomsky, the face, the other, ethics, interlocutor.

Belarev Alexander Nikolaevich,

postgraduate,

A.M.Gorky Institute of World Literature (Moscow)